

СТИГМАТИЗАЦИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ

В. А. МАРТИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, 220050, ул. Зыбицкая, 27, г. Минск, Республика Беларусь

Посвящена анализу теорий стигматизации и степени их применимости к процессу стигматизации новых религиозных движений. Представлены основные результаты фундаментальных исследований девиации Эдвина Лемерта, Говарда Пола Беккера, Эрвина Гоффмана, Лесли Уилкинса и Джеймса Аго, а также некоторые работы, посвященные реакции религиозных организаций на публичное отнесение их к числу девиантных групп. Проводится авторский анализ процесса идентификации религиозных организаций, в качестве составного элемента которого позиционируется стигматизация новых религиозных движений. Последняя полагается в качестве периодически возникающего сбоя в процессе идентификации религиозных групп, приводящего к публичному наделению их ярлыками, перегруженными в общественном дискурсе негативными коннотациями. Анализируются нестандартные ситуации, при которых группа может почувствовать себя объектом стигматизации без соответствующих стимулов и оснований со стороны общества. Выявляются факторы социокультурного контекста, способствующие ограничению масштабов негативного влияния стигматизации новых религий в XX–XXI вв.

Ключевые слова: девиация; стигматизация; расширение девиации; нетрадиционная религиозность; новое религиозное движение; секта.

STIGMATIZATION OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS

V. A. MARTINOVICH^a

^aMinsk Spiritual Academy, Zybizkaya street, 27, 220050, Minsk, Belarus

The present article is devoted to the analysis of the variety of stigmatization theories and the possibilities of their application to the process of stigmatization of new religious movements. The main fundamental works of Edwin Lemert, Howard Becker, Erwin Goffman and James Aho are represented, as well as a group of minor studies of the reaction of religious groups to the public characterization of them as deviant groups. Special attention is paid to the author's theory of the process of identification of religious organizations as a master level of the stigmatization of new religious movements. The last one process is presented as regular appearing malfunction of the process of identification of religious groups, which leads to the public attribution to them of different labels with negative connotations. Several irregular situations are analyzed in which a particular religious group can imagine itself as being persecuted or stigmatized without relevant foundations for this self-perception. There are identified main factors of socio cultural context influencing the limitations of the negative influence of the process of stigmatization of new religious movements in XX–XXI centuries.

Key words: deviation; stigmatization; deviancy amplification; unconventional religiosity; new religious movements; sect.

Теории стигматизации занимают особое место в границах социологии девиантного поведения. Они обогатили понимание данного феномена, перенес акцент с анализа доминирующей системы норм

и отклонений от них на изучение самого процесса определения обществом девиации и его влияния на девианта. Несмотря на то что общее количество научных работ, посвященных стигматизации, уже

Образец цитирования:

Мартинович В. А. Стигматизация новых религиозных движений // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 73–81.

For citation:

Martinovich V. A. Stigmatization of new religious movements. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 73–81 (in Russ.).

Автор:

Владимир Александрович Мартинович – доктор теологии, кандидат социологических наук; заведующий кафедрой апологетики.

Author:

Vladimir Martinovich, doctor of science (theology), PhD (sociology); head of the department of apologetics. nrmsect@yandex.ru

в 2005 г. превышало 3 тыс. наименований [1, с. 394], эти теории не получили существенного распространения в отечественной науке и оставили целый ряд открытых вопросов. Попробуем проанализировать, в какой степени специфика общественной реакции на религиозные организации в целом и новые рели-

гиозные движения (далее – НРД) в частности укладываются в существующие теории стигматизации и обладают потенциалом их уточнения и корректировки. Вне всякого сомнения, данный материал не может претендовать на полноту анализа заявленной темы.

Классические теории стигматизации

Родоначальником теории стигматизации считается Эдвин Лемерт [2, р. 2–58]. В 1951 г. он проводит различие между первичной и вторичной девиацией. При первичной совершение человеком отдельных отклоняющихся поступков имеет случайный характер и не оказывает существенного влияния на его самоопределение, жизнь и поведение. По мнению Э. Лемерта, большинство людей совершают девиантные поступки не в результате осознанного выбора, а в результате случайного стечения обстоятельств. Однако общественная реакция на первичную девиацию в виде закрепления за человеком стигмы или ярлыка девианта, призванного свидетельствовать о его моральной и/или иной неполноценности, приводит к формированию вторичной девиации. Человек начинает воспринимать самого себя в качестве девианта и перенимает навязываемую ему извне роль, которая начинает занимать центральное место в жизни. Стремясь приспособиться к образу девианта, он корректирует свою иерархию ценностей, норм и допустимых средств их достижения. У него постепенно ослабевает напряжение, возникающее из-за невозможности достичь желаемых идеалов и целей, а традиционные наказания и вознаграждения начинают восприниматься иначе, сквозь призму новой роли девианта. Принятие на себя образа девианта позволяет ему смягчить негативное воздействие стигматизации. Человек стремится взять самое лучшее из той ситуации и роли девианта, в которую был помещен окружающими. На определенном этапе девиация становится для него привычкой, которой начинает не хватать при любых попытках возврата к прежним ролям и системам норм. Таким образом, вторичная девиация, острое чувство несправедливости стигматизации, а также увеличение социального контроля над теми, кто случайно совершил девиантный акт, обладают серьезным потенциалом укрепления и развития девиации. При этом Э. Лемерт особо отмечает возможность стигматизации посредством «публичного распространения информации» о моральной и/или иной неполноценности человека или группы лиц [2, р. 42]. Концепция вторичной девиации Э. Лемерта во многом применима к особенностям реакции членов НРД на стигматизацию, хотя сам ученый нигде не говорит о стигматизации религиозных организаций и их членов.

Говард Беккер, второй из классиков теории девиации, акцентирует внимание на обусловленности

восприятия какого-либо акта или действия в качестве девиантного целым рядом переменных: а) периодом истории и/или времени; б) социокультурным контекстом; в) исполнителями девиантного акта; г) их жертвами; д) «предпринимателями на морали», отвечающими за контроль над исполнением тех или иных норм и т. д. [3, р. 1–40]. Девиация, по мнению ученого, является не характеристикой совершаемого человеком действия, а следствием применения по отношению к нему санкций в результате этого действия и закрепления за ним самим и за его поведением ярлыка девиации. В результате в общественном дискурсе к девиантам могут относиться люди, которые не нарушают никаких норм поведения, а настоящие нарушители могут не восприниматься в качестве таковых и образовывать категорию так называемых тайных девиантов. Некоторая произвольность в прикреплении ярлыка девианта различными институтами общества приводит ученого к мысли о том, что девианты не образуют какой-то гомогенной категории населения, для которой можно было бы выявить общие причины, закономерности и факторы, влияющие на их отклоняющееся поведение. Единственное, что, по Г. Беккеру, объединяет девиантов, это сам факт их стигматизации. Последняя ведет к радикальному изменению публичного имиджа и статуса человека, сопровождающемуся его изоляцией, исключением из ряда привычных групп, отказом от ряда привычных ролей. Эти процессы вынуждают человека искать альтернативные пути выживания и поддержки, которую он чаще всего находит среди разных девиантных групп. Г. Беккер также полагал, что стигматизация не только иницирует девиацию, но и способствует ее увеличению. Вслед за Э. Лемертом он отмечает, что процесс стигматизации начинается с публичного именованья девиантов. При этом особое внимание ученый уделяет «предпринимателям на морали», которые берут на себя инициативу по формированию и продвижению тех или иных норм, а также по контролю над их исполнением и стигматизации всех тех, кто их нарушает [3, р. 121–176].

Последующие разработчики теории стигматизации в большинстве своем уточняли и развивали идеи Э. Лемерта и Г. Беккера, лишь изредка принося в них какие-то новые компоненты. При этом в них уже не так активно подчеркивается, а порой и отрицается эфемерный характер девиации как

искусственно созданного в процессе стигматизации конструкта.

Эрвин Гоффман понимал под стигматизацией процесс лишения человека полного социального признания на основании установления существенных различий между нормативно зафиксированными представлениями о том, каким он должен быть (виртуальная социальная идентичность), и тем, какой он есть (актуальная социальная идентичность) [4, р. 1–3, 126–139]. В основании этих различий лежит стигма человека в одном из трех основных измерений: а) физические недостатки (нарушения слуха, зрения и т. д.); б) индивидуальные характеристики (трусость, тюремный срок, алкоголизм, лечение в психиатрической клинике, *экзотические верования* и т. д.); в) групповые характеристики (принадлежность к конкретной расе, нации, *религиозной группе* и т. д.). По Э. Гоффману, представления о «норме» и «стигме» во многом обусловлены социальным контекстом, а стигматизация является «двусторонним социальным процессом», в котором вовлеченные в него люди достаточно часто выступают в обеих ролях одновременно. Так, одни люди, стигматизированные по каким-либо причинам, могут сами стигматизировать других, но уже по несколько иным поводам и основаниям. Э. Гоффман отмечает, что принадлежность к религиозной организации и религиозные верования вполне могут стать основанием для стигматизации человека. Однако проблематику стигматизации на основании религиозной принадлежности ученый не развивает. Интересно, что его концепция применима к НРД лишь в части психологии реакции на них и их членов со стороны внешнего мира. Размышления ученого о психологии стигматизированного не соответствуют портрету большинства членов НРД, которые, например, достаточно часто не просто не боятся говорить о своей принадлежности к группе, но открыто ее подчеркивают и призывают всех войти в нее – немыслимая ситуация для людей с теми же физическими недостатками, которым и посвящена основная часть работы Э. Гоффмана. Стигматизация «в качестве сектанта» вызывает чаще всего совсем иные реакции по сравнению со стигмами, связанными с ограничениями в области физического здоровья либо социально неодобряемыми типами поведения (наркомания, алкоголизм, проституция и т. д.). Здесь необходимо видеть различие между стигматизированными членами общества и представителями субкультур. Последние также чувствуют себя иными по отношению к обывателям и обществу. На это существенное различие указывает и сам автор в последней части книги, посвященной группам социальных девиантов [4, р. 140–147]. В ней НРД не упоминаются, но они полностью укладываются в концепцию социальной девиации Э. Гоффмана. При этом ученый отмечает, что члены групп социальных девиантов в определенных кон-

текстах могут чувствовать себя стигматизированными, но их поведение требует отдельного анализа. При этом Э. Гоффман говорит о том, что функция стигматизации по национальным, расовым или религиозным характеристикам состоит в устранении конкурентов в соответствующих полях [4, р. 139].

Лесли Уилкинса не относят к числу значимых разработчиков теории стигматизации, хотя именно на его работу в первую очередь ссылаются исследователи общественных реакций на феномен НРД. Анализируя особенности влияния толерантности общества на развитие существующих в нем отклонений от нормы, Л. Уилкинс разработал модель расширения девиации [5]. Ученый проводит различие между культурными и индивидуальными определениями девиации. Они взаимосвязаны друг с другом, но первые конструируются различными группами и институтами общества и определены социокультурным контекстом, а вторые обусловлены опытом переживаний конкретным человеком явлений, воспринимающихся в качестве отклонений от нормы. В XX веке в силу высокого уровня дифференциации общества все разновидности девиаций достаточно эффективно изолируются обществом, что приводит к резкому уменьшению опыта непосредственного столкновения с ними у населения. В результате представления о девиации все чаще формируются под влиянием СМИ, активно рассказывающих о всевозможных отклонениях от нормы [5, с. 64]. Благодаря СМИ девиация, особенно в крупных городах, начинает восприниматься в рамках набора стереотипов, оторванных от реальности. В то же время в малых и слабо дифференцированных коммунах сохраняется живой опыт соприкосновения с девиантами.

Л. Уилкинс полагает, что степень культурной и индивидуальной толерантности общества и его членов по отношению к девиации влияет на ее общий объем и распространенность. Чем менее толерантно общество реагирует на разные девиации, тем сильнее и активнее они развиваются и выходят из-под контроля. Ключевым фактором, влияющим на расширение девиации, ученый считает сам факт негативной реакции на нее со стороны общества. Для описания данного процесса Л. Уилкинс разработал модель расширения девиации, включающую набор связанных положительной обратной связью элементов, которые образуют морфогенетический контур, усиливающий отклонение системы от изначального состояния [5, р. 90–93]. В упрощенном виде модель выглядит следующим образом. Увеличение количества групп, определяемых в качестве девиантов, ведет к росту количества групп, увеличивающих свою дистанцию с обществом, а затем и изолирующих себя, отчуждающихся и воспринимающих себя в качестве девиантов. Отчужденные от общества группы перестают считать себя его частью и активнее

развивают собственные ценности и нормы, вступающие в противоречие с доминирующими нормами, что приводит к увеличению их дистанции с обществом. Это, в свою очередь, способствует подтверждению изначальных опасений общества, развитию представлений о девиантной природе означенных групп и ужесточению мер в их отношении. Далее система двигается по кругу, все сильнее способствуя изоляции групп и расширению девиации. Выход из ситуации Л. Уилкинс видит, помимо всего прочего, в удержании девиантов в рамках общей системы ценностей, а также в минимизации количества людей, групп и актов, относимых к девиации, до дисфункциональных и объективно вредных для общества. Высокий уровень толерантности общества к девиации считается залогом низкого уровня девиации в нем.

Достаточно интересное развитие теория стигматизации получила в «социологии врага», основные положения которой были предложены Джеймсом Аго в 1994 г. По его мнению, эта дисциплина должна заниматься проблемой социального конструирования идеоконструкции общественных представлений о враге [6]. Ученый далек от того, чтобы утверждать, что в обществе отсутствуют явления, сообщества, группы лиц, являющиеся источником насилия, жестокости и целого ряда объективно обусловленных проблем. Однако не все эти проблемы воспринимаются в качестве таковых и вызывают реакцию в виде конструирования образа врага, равно как и далеко не всякому создаваемому образу врага что-то соответствует в реальности. Дж. Аго не останавливается на анализе факторов, влияющих на выбор тех или иных внутренних и внешних для общества «врагов», но предлагает модель их формирования. В основании конструирования образа врага лежит «процесс овеществления» – постепенного восприятия людьми плодов своего интеллектуального творчества в качестве вещей и явлений, не подконтрольных им и представляющих угрозу и опасность для них же. Ученым выделяются следующие этапы овеществления:

а) *именование (приклеивание ярлыка)* людям или группам, которые считаются нарушающими существующий порядок, общепринятые нормы, устойчивые морали и т. д.;

б) *легитимация* – публичный процесс обоснования ярлыка, приводящий к закреплению его за людьми или группами, вне зависимости от того,

были они признаны соответствующими такому именованию или нет;

в) *мифотворчество* – конструирование исторических и иных сведений об оклеветанных людях и группах, обосновывающих и подробно расписывающих их испорченность и злой умысел;

г) *седиментация* – закрепление в сознании населения или отдельной группы сконструированной информации о враге, а также трансляция ее следующему поколению и людям, ранее не имевшим отношения к ее созданию. Легенды о враге обрастают новыми «фактами», начинают жить своей собственной жизнью, превращаются в часть само собой разумеющегося знания о мире;

д) *ритуал* – реализация содержания мифов и легенд о враге в реальной войне и/или наборе действий, направленных на нанесение какого-либо вреда сконструированному врагу, что приводит к появлению настоящих врагов [6, р. 28–32].

Означенный процесс может быть одно- либо двухсторонним. В последнем случае антагонизм между сторонами противостояния будет усиливаться по мере увеличения затрат времени и ресурсов на борьбу. Парадоксальность конструирования образа врага и отчаянной борьбы с ним состоит в следующем. Во-первых, она осуществляется во имя порядка, добра и справедливости, стремление к которым в данном контексте фактически и порождает насилие и жертвы. Во-вторых, война и противостояние с врагами, особенно внешними, способны консолидировать, примирять и объединять общество, по крайней мере, временно стирать внутренние противоречия. В-третьих, вне зависимости от того, насколько реален или иллюзорен сам враг и исходящие от него угрозы, он конструируется по образу характерных для самого общества пороков и проблем. Общество и отдельные его группы формируют врагов по своему образу и подобию. Проецируя, таким образом, свой негатив вовне, они обеляют себя в собственных глазах, полагая себя в качестве справедливых и праведно борющихся со злом. Конструирование врага может протекать на уровне общества в целом либо отдельных его групп и сообществ. При этом необходимость во внешнем враге отпадает, если общество или группа успешно справляется с внутренними проблемами и открывается внешнему миру. Примечательно, что значительное количество примеров, на которые опирался Дж. Аго, взяты из жизни религиозных организаций и общностей США.

Проблематика новых религиозных движений

Спустя несколько десятилетий после появления первых теорий стигматизации был поставлен вопрос о степени их применимости к НРД. При этом мнения ученых по данному вопросу разошлись. Одна группа исследователей заявила о возможности безоговорочного применения теорий стигма-

тизации и проистекающего из них эффекта расширения девиации к НРД. Согласно этому подходу на пустом месте при активном участии СМИ создается и всемерно раздувается массовая истерия вокруг НРД. Ни в чем не повинные религиозные организации необоснованно стигматизируются и подвер-

гаются всяческим преследованиям. Под влиянием общественного давления у них развивается девиантная составляющая, оказывающая разрушительное воздействие как на самих членов группы, так порой и на внешний мир [7–9]. Известные трагедии вокруг таких НРД, как Аум Синрикэ, Народный Храм, Ветвь Давида, Небесные Врата и др., приведшие к многочисленным жертвам, интерпретировались как следствие процесса стигматизации означенных групп.

Вторая группа исследователей, к которой принадлежит и автор данной статьи, заявила о том, что специфика самих НРД и их взаимодействия с обществом не позволяет без существенных поправок применить теории стигматизации к реакции общества на феномен НРД. Перед описанием авторского видения вопроса кратко представим основные работы исследователей этой группы.

В 1983 г. Адам Хампшир и Джеймс Бэкфорд первыми подвергли сомнению безоговорочную применимость концепции расширения девиации к НРД [10]. Ученые предположили, что враждебность со стороны окружающего общества к НРД является одним из элементов механизма социального контроля над отклоняющимися формами их поведения. При этом следствием такого контроля может быть не только увеличение девиации, но и ее уменьшение. Вопреки теории расширения девиации реакция на критику со стороны НРД не предполагает автоматического усиления девиации, но может, наоборот, вызвать у группы стремление ослабить и нивелировать все спорные и проблемные вопросы. В контексте этой теории как активная критика, так и стигматизация сектантства являются факторами, стабилизирующими конфессиональное пространство, а не расшатывающими его. Размышления этих ученых верны, особенно если учитывать следующее обстоятельство: многие НРД столь сильно интегрированы в различные институты современного общества, что диалог и постепенное снижение градуса напряжения являются естественной реакцией на случайно возникающие очаги их стигматизации.

В 1991 г. Стивен Кент отметил, что НРД для смягчения негативных последствий стигматиза-

ции прибегают к целому ряду стратегий, начиная от стигматизации своих оппонентов в качестве «нетолерантных экстремистов», инициирования судебных процессов против них и завершая масштабным продвижением в общественном дискурсе альтернативного имиджа и наименований самих себя, направленных на подрыв и дискредитацию любых попыток их стигматизации [11]. Активно и успешно сопротивляясь стигматизации, НРД избегают подавляющего большинства ее негативных последствий.

Достаточно оригинальные идеи относительно функции стигматизации членов НРД высказал Лоуренс Ианнаконе [12]. Ученый отмечает, что в религиозных организациях вообще, и прежде всего в НРД, есть значительное количество правил, предписаний и ограничений, норм поведения, элементов внешней атрибутики, которые не просто выделяют их носителей из общей массы населения, но и создают серьезный потенциал для их стигматизации. Например, необходимость брить голову, постоянно выделять себя яркими символами и знаками отличия, экстравагантная форма одежды, запрет на алкоголь и курение, необычные пищевые практики, жизнь в изолированных общинах и т. д. Однако на уровне самой группы эти, не только кажущиеся бесполезными по сути, но порой и сильно ограничивающие свободу и возможности человека, правила исполняют весьма важную функцию. Создавая хорошую платформу для стигматизации ее членов, они одновременно являются фактором, привязывающим человека сильнее к группе, активизирующим его работу в ней. Вместе с этим правила отталкивают пассивных и малополезных членов, не желающих ради организации чем-то жертвовать, а жаждущих лишь пользоваться всеми позитивными последствиями от принадлежности к ней. Группа становится гомогенна в плане мотивации, уровня активности и готовности членов работать на ее благо. В этом контексте очевидный потенциал стигматизации ее членов является фактором, во многом упрощающим ее работу с ними и помогающим ей разрешить ряд внутренних проблем и вопросов, стимулирующим ее рост и развитие.

Идентификация новых религиозных движений

Наши исследования показывают, что религиозные организации стигматизировались в разных обществах на протяжении всей истории человечества. Однако основная проблема состоит не в том, почему стигматизация религиозных организаций существовала в разных обществах, ситуациях и контекстах, а в селективности общественной реакции на НРД, приводящей к тому, что из набора религиозных групп, которые действуют в одном обществе в одно и то же время и обладают аналогичными

структурными и содержательными характеристиками, одни клеймятся в качестве девиантов, другие игнорируются, к третьим же общественность относится с благорасположением. Ученые убедительно объясняют разность отношения к однотипным группам в обществах с отличающимся социокультурным контекстом. Однако они не поясняют причины дифференцированного отношения одних и тех же институтов общества к однотипным религиозным группам. По нашему мнению, ключ

к разрешению проблемы лежит в рассмотрении стигматизации религиозных организаций в несколько иной перспективе, а именно как частного случая более широкого и масштабного процесса идентификации религиозных организаций вообще и НРД в частности.

Идентификация религиозных организаций является неотъемлемой составляющей осмысленной реакции различных институтов общества на увеличивающуюся дифференциацию религиозного пространства любой страны либо на его фактическое разнообразие. Позитивное, нейтральное или негативное отношение к любой религиозной группе неизменно предполагает выделение ее из общего контекста и позиционирование в границах той или иной системы представлений об устройстве общества в целом и религиозного пространства в частности. Идентификация религиозной группы является существенной составляющей такого позиционирования. Несущий каркас этого процесса сохраняется неизменным независимо от того, в какую эпоху и в каком регионе мира он протекает, а также кем и как определяется религиозность. Не имеет принципиального значения, с использованием какой терминологии религиозные группы относятся к одному из типов традиционной или нетрадиционной религиозности. Термины «традиционная религия», «мировая религия», «секта», «культ», «новое религиозное движение» выступают наиболее узнаваемыми маркерами как того, какой конкретно сегмент религиозного пространства имеется в виду, так и того, в рамках какой системы представлений об устройстве общества осуществлялся процесс идентификации. Именно поэтому методологически обязательным условием анализа самого процесса идентификации НРД является «вынесение за скобки» всех определений НРД, которые неизменно сопровождают их идентификацию и во многом зависят от особенностей самого процесса.

Под идентификацией НРД здесь и далее будет пониматься процесс установления полного совпадения характеристик конкретной религиозной организации с характеристиками одного из типов НРД. В каждом акте идентификации можно выделить следующие ключевые элементы:

а) *субъект процесса идентификации НРД* – различные институты общества и частные лица, которые в силу разных причин полагают в той или иной степени необходимым как-то отреагировать на деятельность НРД;

б) *критерии отнесения группы к числу НРД*, которые формируются субъектами на основании их собственных целей и задач;

в) *материалы о какой-либо организации, сообществе или явлении* в виде письменных, вещественных, аудиовизуальных или иных источников, появившихся в процессе деятельности НРД.

Все компоненты соединены процессом, в рамках которого субъект идентификации НРД устанавливает соответствие материалов о какой-либо организации собственным критериям отнесения групп к числу НРД. Каждый из элементов является переменной с разным количеством значений, все многообразие комбинаций и взаимных пересечений которых в совокупности со спецификой их взаимодействия друг с другом образуют целостную систему идентификации НРД. В ходе исторического развития менялись как значения переменных, так и доминирующие комбинации их соединений. В Древнем мире, Античности, Средневековье и в Новое время эта система вслед за нетрадиционной религиозностью в целом приобретала свой уникальный и неповторимый портрет, отражающий уровень и характерные особенности внимания различных институтов общества к этому феномену.

В подавляющем большинстве случаев процесс идентификации НРД протекает без их стигматизации. Так, в науке идентификация НРД является одним из инструментов, упрощающих анализ как религии и религиозности в целом, так и конфессионального пространства той или иной страны мира в частности. Отнесение тех или иных организаций к числу НРД здесь значимо не само по себе, а лишь в той степени, в какой оно способствует более объективному, глубокому и точному пониманию феномена нетрадиционной религиозности в границах профильной для конкретного ученого дисциплины. Для государства этот процесс является инструментом, значение которого во многом зависит от конкретной страны и ее актуальной политики в области религии. Например, он может служить средством, упрощающим понимание специфики конфессионального пространства вообще и взаимоотношений между религиозными группами в частности. В этом случае интересы госорганов и науки во многом будут совпадать. Для самих религиозных организаций данный процесс является средством размежевания с иными формами религиозной жизни и опыта, инструментом защиты собственных членов от внешних нежелательных влияний, а также фактором, стимулирующим внутреннюю рефлексию и развитие богословской мысли. Для СМИ идентификация НРД имеет преимущественно информационно-развлекательную функцию, которая реализуется прежде всего в рамках критических материалов против сект. При этом даже критика сектантства для СМИ важна лишь в той степени, в которой она способна поддерживать и развивать интерес аудитории. Для общественных организаций и инициатив идентификация НРД может являться средством достижения самых разных целей, начиная от борьбы с сектами, помощи людям, пострадавшим от сект, и заканчивая целенаправленной защитой прав и свобод религиозных мень-

шинств, направленной во многом против антисектантских организаций. При этом и борьба с НРД, и их защита выступают равнозначными по значению, так как и та и другая ведет к осмыслению дифференциации религиозного пространства. Наконец, для частных лиц идентификация сектантства практически всегда является одним из средств объяснения тех или иных событий, которые произошли или продолжают развиваться с ними самими или с кем-то из их ближайшего окружения.

Реализуя собственные цели и задачи, различные институты общества формируют собственные наборы критериев данного процесса, большинство из которых изначально не претендует на объективность и обоснованность. Некоторые из них скорее запутывают тех, кто к ним обращается, чем помогают разобраться во всем многообразии форм религиозной жизни общества. Вне всякого сомнения, самые проработанные и обоснованные критерии появляются в границах науки. С точки зрения последней большинство остальных критериев будут неприемлемы. Таким образом, для системы идентификации НРД внутренняя противоречивость, эмоциональность, необоснованность критериев, а также терминология, отягощенная негативными коннотациями, – норма, а нейтральный и обоснованный понятийный и терминологический аппарат – исключение из правила.

Реагируя на дифференциацию религиозного пространства, общественные институты и отдельные группы лиц нередко столь сильно запутываются в собственных представлениях о НРД, что осуществляют ее по отсутствующему основанию. Иначе говоря, установление совпадения как существенных, так и второстепенных структурных, содержательных и иных характеристик отсутствует вообще. Вместо этого имеет место процесс стигматизации НРД в виде публичного присвоения им ярлыков «секта», «культ», имеющих в общественном дискурсе ярко выраженные негативные коннотации и др. В этой ситуации выпадают критерии идентификации, а сам процесс, не обусловленный какими-либо правилами и принципами, сводится к демонстрации инаковости тех или иных религиозных групп. Процесс стигматизации в своей полноте предполагает, что сама группа узнает о нем и воспринимает его соответствующим образом. О стигматизации НРД можно также говорить в тех случаях, когда приведенные обоснования в пользу «сектантскости» организации воспринимаются ей самой в качестве надуманных, оторванных от реальности, в действительности отсутствующих. Она считает себя незаслуженно стигматизированной вне зависимости от того, что ни у кого изначально не было стремления как-то заявить о ее неполноценности. В этих случаях можно сказать, что первый этап модели расширения девиации

Л. Уилкинса – «определение в качестве девианта» – фактически заменяется «самоопределением в качестве девианта» или «стигматизацией самих себя» с сохранением всей последующей динамики развития модели. Если учесть, что целый ряд НРД изначально исходит из допущения о враждебности окружающего мира по отношению к группе, становится понятно, почему даже нейтральные материалы о них в публичном пространстве могут восприниматься как попытка стигматизации.

В этом контексте особый интерес представляют ситуации, при которых в качестве основного критерия отнесения какой-либо группы к числу НРД используются ее вредоносность и деструктивность. При этом весь процесс идентификации сводится к демонстрации реального и/или придуманного негатива как аргумента в пользу квалификации группы в качестве секты. С позиций науки установление опасности религиозной организации является возможной и вполне допустимой операцией, которая, однако, вне зависимости от ее результата не является свидетельством ее сектантства. Точно так же установление безопасности организации не является аргументом в пользу ее несектантского характера. В результате второстепенный с позиций науки критерий опасности/безопасности имеет первостепенное значение для целого ряда субъектов идентификации. В случае если такое наделение религиозных организаций признаками неполноценности и вредоносности будет осуществляться на публичных площадках, оно также может иметь эффект стигматизации вне зависимости от того, какие конкретно термины будут при этом использоваться и насколько обоснованы будут заявления о вреде группы.

Процесс идентификации НРД не регулируется искусственно, а протекает спонтанно в форме реакции на деятельность НРД. Ни для одного института общества реакция на феномен НРД и, как следствие, процесс идентификации НРД не являются сколько-нибудь приоритетными и важными направлениями. Все субъекты идентификации находятся как бы в пассивном модусе реакции на нетрадиционную религиозность и не предпринимают активных попыток разобраться во всем многообразии ее форм и разновидностей. Сам процесс выстраивается с опорой на минимально достаточные основания для завершения акта идентификации. Отсюда же проистекает специфика их работы с материалами самих НРД и всего процесса в целом; замечается только то, что по каким-либо параметрам начинает сильно выделяться на общем фоне, мешать, требовать внимания либо траты ресурсов. Например: а) НРД вырастает до таких размеров, что игнорировать его уже невозможно; б) в НРД случается какое-то происшествие криминального характера; в) НРД слишком активно привлекает

внимание к своим политическим, социальным и иным проектам. Любая аномалия вынуждает одного или нескольких субъектов идентификации как-то отреагировать на группу, что неизменно предполагает ее предварительную идентификацию в общем контексте религиозного пространства страны. Однако эта идентификация интенционально направлена на конкретную организацию и изначально не стремится к целокупному охвату всех аналогичных сообществ страны. В результате другие, сходные по типу, НРД могут оставаться незамеченными, а какие-то из них в то же время будут стигматизироваться. При этом само общество будет реагировать на аномалию и оставаться при этом совершенно не чувствительным к противоречивости своих реакций на один и тот же тип НРД, представленный разными группами. Чем более заметна аномалия, тем большее количество институтов общества вынужденно обращают на нее внимание. Чем менее профессионально они подходят к этому процессу, тем выше вероятность того, что какие-то группы будут стигматизированы. Конечно, из правила пассивной реакции есть свои исключения в виде отдельных ученых, общественных активистов, представителей тех или иных институтов общества, которые вопреки общей тенденции начинают заниматься не некоторыми наиболее заметными НРД, а всем феноменом в целом. Однако их работа не приводит к стигматизации НРД просто потому, что сама по себе предполагает серьезный подход, далекий от навешивания штампов и ярлыков.

В то время как идентификация религиозных организаций является непрерывно протекающим с разной степенью интенсивности процессом, лежащим в основании взаимодействия общества с религиозными группами и сообществами, стигматизация НРД не является логически необходимой его составляющей. Она случайна по своей природе и не поддается искусственному регулированию. Тем не менее сама специфика социокультурного контекста, в котором она с определенной периодичностью проявляется, может нивелировать ее негативные последствия. Так, например, в XX–XXI вв. в большинстве стран Запада простое акцентирование принципиальной инаковости религиозной группы уже более не является надежным основанием для ее стигматизации. Конституциями большинства

стран мира зафиксирован принцип свободы вероисповедания, полагающий различия в религиозных учениях и культовых практиках в качестве нормы. То, что еще 200 лет назад считалось серьезным нарушением порядка, морали и нравственности, трансформировалось в охраняемую законом норму общества. Последовательная реализация принципа свободы вероисповедания в сфере массмедиа со своей стороны значительно усложнила стигматизацию НРД. Произошло многократное увеличение общего объема рекламной, положительной и нейтральной информации в СМИ об НРД, что создало серьезный позитивный для НРД информационный фон, противодействующий процессу их стигматизации. Открытость и высокий уровень толерантности большинства информационных площадок растворяет и обезвреживает подавляющее большинство случайных информационных акций против конкретных НРД. Высокий уровень дифференциации современного общества привел к тому, что в конкретном акте идентификации религиозных организаций и стигматизации НРД участвует не общество в целом, как это имело место в прошлые столетия, а в лучшем случае отдельные институты и группы лиц. Им достаточно часто противостоят иные институты общества, занимающие нейтральную или альтернативную позицию в отношении НРД. В результате многократно уменьшилось значение и эффективность целенаправленных кампаний по стигматизации НРД: в XXI в. им гораздо проще противодействовать, чем естественным образом возникающим волнам стигматизации религиозных групп, у которых нет конкретного инициатора и четких целей, а сам процесс протекает спонтанно и неконтролируемо. НРД в целом не перестали стигматизироваться, но количество таких случаев в странах Запада значительно уменьшилось.

Таким образом, специфические особенности самого феномена НРД, социокультурный контекст и механизмы реакции на НРД со стороны общества не только налагают серьезные ограничения на возможность применения теорий стигматизации к НРД, но и обладают некоторым потенциалом их дополнения и корректировки. В этом отношении особый интерес представляет анализ стигматизации НРД как составной части более широкого и масштабного процесса идентификации религиозных организаций.

Библиографические ссылки

1. Major B., O'Brien L. T. The social psychology of stigma // *Ann. Rev. Psychol.* 2005. Vol. 56. P. 393–421.
2. Lemert E. M. *Human deviance, social problems and social control.* Englewood Cliffs, 1967.
3. Becker H. S. *Outsiders. Studies in the sociology of deviance.* New York, 1963.
4. Goffman E. *Stigma. Notes on the management of spoiled identity.* Englewood Cliffs, 1963.
5. Wilkins L. T. *Social deviance. Social polity, action and research.* Abingdon, 2001.
6. Aho J. A. *This thing of darkness. A sociology of the enemy.* Seattle, 1994.
7. Hall J. R. *Apocalypse observed. Religious movements and violence in North America, Europe and Japan.* London ; New York, 2000.

8. Hill H., Hickman J., McLendon J. Cults and sects and doomsday groups, on my. Media treatment of religion on the eve of the millennium // *Rev. Relig. Res.* 2001. Vol. 43, No. 1. P. 24–38.
9. Wessinger C. How the millennium comes violently. New York, 2000.
10. Hampshire A. P., Beckford J. A. Religious sects and the concept of deviance. The Mormons and the Moonies // *Br. J. Sociol.* 1983. Vol. 34, No. 2. P. 208–229.
11. Kent S. Deviance labelling and normative strategies in the Canadian «New Religions» // *Can. J. Sociol.* 1990. Vol. 15, No. 4. P. 393–416.
12. Iannaccone L. R. Sacrifice and stigma. Reducing free-riding in cults, communes, and other collectives // *J. Polit. Econ.* 1992. Vol. 100, No. 2. P. 271–291.

References

1. Major B., O'Brien L. T. The social psychology of stigma. *Ann. Rev. Psychol.* 2005. Vol. 56. P. 393–421.
2. Lemert E. M. Human deviance, social problems and social control. Englewood Cliffs, 1967.
3. Becker H. S. Outsiders. Studies in the sociology of deviance. New York, 1963.
4. Goffman E. Stigma. Notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs, 1963.
5. Wilkins L. T. Social deviance. Social polity, action and research. Abingdon, 2001.
6. Aho J. A. This thing of darkness. A sociology of the enemy. Seattle, 1994.
7. Hall J. R. Apocalypse observed. Religious movements and violence in North America, Europe and Japan. London ; New York, 2000.
8. Hill H., Hickman J., McLendon J. Cults and sects and doomsday groups, on my. Media treatment of religion on the eve of the millennium. *Rev. Relig. Res.* 2001. Vol. 43, No. 1. P. 24–38.
9. Wessinger C. How the millennium comes violently. New York, 2000.
10. Hampshire A. P., Beckford J. A. Religious sects and the concept of deviance. The mormons and the moonies. *Br. J. Sociol.* 1983. Vol. 34, No. 2. P. 208–229.
11. Kent S. Deviance labelling and normative strategies in the Canadian «New Religions». *Can. J. Sociol.* 1990. Vol. 15, No. 4. P. 393–416.
12. Iannaccone L. R. Sacrifice and stigma. Reducing free-riding in cults, communes, and other collectives. *J. Polit. Econ.* 1992. Vol. 100, No. 2. P. 271–291.

Статья поступила в редколлегию 03.03.2017.
Received by editorial board 03.03.2017.